

state as a whole. Recently, high expectations are related to social entrepreneurship in solving social problems facing countries, because it is an activity to achieve social goals through business strategies. The aim of this study is to analyze various problems of social entrepreneurship and identify ways to solve them. The authors identify the positive impact of organizational density on the development of social business.

Keywords: social entrepreneurship, government support, organizational density, social enterprise, investment

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук; профессор; директор Центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД РФ; заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (119021, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1; d.komleva@dipacademy.ru)

ЭЛИТООБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. В статье рассматривается механизм образования политических элит в странах Центральной Азии, роль патрон-клиентских отношений и кланов. Автор анализирует факторы, которые потенциально могут повлиять на изменение механизма элитообразования, – вызревание инновационного типа элит; демографические процессы, омоложение населения и элит; внешние влияния; роль гражданского сектора и НКО; проблемы имитационно-имиджевых моделей элитности. По результатам исследования автор приходит к выводу, что изменения механизма образования элит в странах Центральной Азии возможно под воздействием комплекса факторов, однако в ближайшей перспективе такие изменения вряд ли произойдут.

Ключевые слова: Центральная Азия, политические элиты, ротация элит, элитообразование, политические процессы, кланы, клиенты

Введение. Проблематика формирования национальных элит в странах Центральной Азии актуализировалась с обретением этими странами своей государственности после распада СССР. Через 30 лет тема снова получила развитие в контексте прихода к власти нового поколения элит, чье мировоззрение и представления об идеальных политических моделях своих стран формировались уже вне советской идеологии, а в ряде стран – на противопоставлении себя России. Решения, принимаемые новыми элитами, уже не столь очевидны и предсказуемы. Все сложнее понимать, какими интересами они руководствуются в выборе партнеров, как определяют внешнеполитические и внутриполитические приоритеты. С этой точки зрения изучение механизмов формирования элит становится актуальной научно-практической задачей.

Страны Центральной Азии выделяются среди других постсоветских стран своей традиционностью и воспроизведением ранее сложившихся механизмов формирования политических элит по территориальному, кровнородственному принципу. Отмечаются признаки политического трайбализма. Весьма интересное, хотя и не бесспорное исследование представляет Фонд мира. Составленный Фондом Индекс фракционированных элит учитывает фрагментацию государственных институтов по этническому, классовому, клановому, расовому или религиозному признаку. По состоянию на 2024 г. средний

показатель по 175 странам составил 6,63 индексных пункта (0 – низкий и 10 – высокий индекс). Самый высокий показатель был в Гвинее (10), а самый низкий – в Швейцарии (1). Показатели стран ЦА таковы: Узбекистан имеет 8,8 индексных пунктов; Таджикистан – 8,4; Кыргызстан – 8,2; Казахстан – 7,9; Туркменистан – 7,8¹. Иными словами, с точки зрения авторов Индекса, для государственных институтов стран Центральной Азии характерна высокая степень фрагментированности. Принадлежность к той или иной территориальной, этнической, клановой группировке определяет возможность вхождения в элиту и полномочия субъекта политики.

Насколько эти механизмы устойчивы в современных реалиях? Ответ на этот вопрос мы попробуем дать в этой статье.

Политическая элита рассматривается нами как узкий слой лиц, использующих власть и властные ресурсы для управления обществом. Основным признаком политической элиты является факт обладания властью. Основными характеристиками политических элит, кроме доступа к рычагам и ресурсам власти, являются привилегированность, влиятельность, политическое господство, обособленность, сплоченность, особый образ жизни.

Материалы и методы исследования. Несмотря на значительный практический и научный интерес к проблематике элит стран Центральной Азии (далее – ЦА), системных исследований в этой области немного, хотя в России сложилась серьезная научная школа элитологии (Г.К. Ашин, О.В. Гаман-Голутвина, А.Д. Дука, О.К. Крыштановская, О.Ф. Шабров и др.). В рамках этой школы разрабатываются методики анализа элит, например методика расчета клановости элит [Сулакшин 2011], заинтересовавшая нас в контексте изучения политических элит стран Центральной Азии.

Исследования элит Центральной Азии преимущественно сконцентрированы в научных центрах ИМЭМО РАН, ИВ РАН, МГИМО, РУДН, ВШЭ, МГУ, Дипломатической академии МИД РФ. Существует и негосударственный сектор исследовательских центров, занимающихся данной проблематикой, таких как Институт стран СНГ, Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК) и др. Отметим и ряд журналов, публикующих экспертные позиции и результаты исследований процессов на постсоветском пространстве: это «Полис», «Россия и новые государства Евразии», «Россия и мир: научный диалог», «Постсоветские исследования», «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир», «Обозреватель-Observer», «Международная жизнь» и др.

Анализ материалов, представленных в публикациях указанных научных центров и журналов, позволяет сделать вывод об ограниченности и недостаточности современных системных, регулярных исследований постсоветских элит. Среди монографических работ последних лет, посвященных именно элитам ЦА, можно отметить ряд исследований [Рекк, Егоров 2022; Политические процессы... 2020; Осинина 2018; Гарбузарова 2020; Крылов, Малышева 2011].

Наиболее сложным аспектом в исследованиях политических элит стран ЦА является ограниченность исследовательских процедур. Это связано с ограничениями полевых исследований на территории рассматриваемых стран, ограниченным доступом исследователей в весьма закрытые страновые политические сети и недостаточностью пула экспертов внутри стран для формирования релевантных выводов.

¹ Factionalized elites index – Country rankings. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/factionalized_elites_index/ (accessed 17.05.2025).

Проблематика элитаобразования, изложенная в данной публикации, исследуется прежде всего в рамках ежегодных мониторингов коммуникационных режимов постсоветских стран [Коммуникационные режимы... 2024; Коммуникационные режимы... 2025], которые под руководством автора статьи проводит Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК). НИИРК проводит свои исследования как самостоятельно, так и с партнерами – научными центрами в академиях наук и в вузах стран ЦА. В ходе исследования применяются методы включенного наблюдения, экспертного интервью, контент-анализа документов и материалов СМИ, ивент-анализа и биографический метод. Кроме того, нами были проанализированы результаты российских и зарубежных социологических исследований и Индекс фракционированных элит, который рассчитывается Фондом мира (*fundforpeace.org*).

Результаты исследования.

Структуры политических элит. Структуры элит Центральной Азии не раз анализировались в российских исследованиях. В частности, речь идет об описании клановых структур: старший, средний, младший джузы в Казахстане; кулябский, худжандский, каратегинский, хисорский (гиссарский), памирский кланы в Таджикистане; сеть кланов юга и севера в Кыргызстане; ташкентский, самаркандский, джизакский, ферганский, хорезмский кланы в Узбекистане; метагенетические и этноземляческие кланы Туркменистана и место ахальского клана в страновой клановой системе [Бикбулатова, Асылгужин, Максутова 2024; Бобохонов 2012; Болпонова 2013; 2015; Грозин 2010; Жильцов 2020; Илебаева, Батанова 2021; Кадыров 2010; Ларина 2022; 2023; Осинина 2018; Притчин 2022; Рекк 2020; Рекк, Егоров 2022; Рогожина 2010; Ситнянский 2024; Хадыров 2023; Шарафиева 2012].

На практике в странах Центральной Азии все значительно сложнее. Например, А.В. Грозин отмечает: «...у номадических народов (казахов, киргизов и туркмен), как это демонстрирует новейшая история, “клановое сознание” чаще оказывается гибче (включение иноэтнических элементов через браки, бизнес, землячество и пр.), но одновременно и значительно прочнее, чем у народов с многовековой оседлостью. Узбеки и таджики давно перешли к оседлости, поэтому знание о том, кто из какого рода и племени, утратило такое значение и актуальность, как у кочевых народов, и стало в значительной мере функцией внутриэлитных взаимоотношений и сугубо функциональным институтом, облегчающим жизнь» [Грозин 2010: 99].

Относительно недавно к описанию структуры элит ЦА стал применяться поколенческий подход. Чаще этот подход встречается в зарубежных публикациях. Например, исследователи казахстанских элит говорят об их разделении на три поколения: коммунистов, комсомольцев, технократов, имеющих разные карьерные профили [Dumoulin 2012]. Однако этот подход не получил широкого распространения. Более того, наши исследования показывают слабую корреляцию принимаемых решений с молодым возрастом представителей высшей власти. В основе их действий пока лежит преемственность (пример Туркменистана). При этом мы не отрицаем изменений в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Современные патрон-клиентские отношения в странах ЦА основаны не только на традиционных отношениях (субэтнические, территориальные, кровнородственные связи), но и на инструментальных взаимосвязях – взаимной выгоде и личной преданности (нередко возникающей по причине общих фактов биографий и экономической зависимости). Соединение традиционных и инструментальных связей происходит в кланах, которые рас-

сматриваются нами как базовая структурная единица политических элит стран ЦА и определяются как особый тип идентификации, солидаризации, родственных, территориальных и политико-экономических связей.

Политико-экономические кланы формируются по типу патронажных президентских «семей» (со своими особенностями в каждой стране). Появление таких «семей» во многом обусловлено особенностями политической культуры народов ЦА, которая, по мнению М.Ш. Джанталеевой, «требует от власти не столько демократического плюрализма, сколько административно-исполнительного централизма» [Джанталеева 2022: 83]. Страны ЦА показывают «устойчивость традиции преемственности власти, ее закрытости и отдают предпочтение консервативным ценностям. Идеалом здесь является сильная исполнительная власть, поэтому “демократическая формула” президент без власти здесь просто неуместна» [Джанталеева 2022: 85].

За патроном признается право на монополию политического и экономического патронажа. Признание патронажа является для клиенты условием получения своих выгод и ресурсов. В свою очередь, эта клиентела (группы и лица, близкие к «семье») имеет свою клиентелу, следствием чего становится появление клановых сетевых сообществ. Например, описывая президентскую «семью» в Казахстане, Джанталеева отмечает ограниченность доступа в этот «узкий элитарный круг», где все «держалось под строжайшей тайной. Наиболее ценные экономические активы страны принадлежат либо его семье, либо особо приближенным к президентскому кругу лицам» [Джанталеева 2022: 86]. По сути, сетевую структуру кланов в Кыргызстане раскрывает и М.Ж. Окенаева, говоря об отношениях внутри кланов и вовлечении населения в клановые отношения [Окенаева 2013: 296].

Отметим, что для удержания всей этой системы используются не только инструменты выгод и ресурсов, но и инструменты компромата, в частности имеющиеся интересы за пределами своей страны, компрометирующее поведение и образ жизни детей и близких родственников, внебрачные отношения в ущерб интересам влиятельной семьи супруги (супруга) и др. Опубликование этих фактов может существенно испортить репутацию и подорвать авторитет. В этих условиях серьезными игроками в системе элитообразования становятся представители органов безопасности, обладающие компрометирующими данными на представителей элит. Определенное влияние могут оказывать и зарубежные страны, если компрометирующие активы находятся на территории их стран.

Традиции элитообразования. Большая часть ученых склоняются к тому, что меритократические принципы формирования политических элит в странах ЦА практически не работают. Даже наиболее динамичные элиты Казахстана и Кыргызстана остаются закрытыми. По опросам, на которые ссылается казахстанский ученый А. Жусупова, лишь треть казахстанцев полагают, что во властную элиту можно попасть благодаря образованию, активности, честолюбию, готовности упорно трудиться (31%). 53,4% опрошенных считают, что определяющими являются не столько профессиональные и деловые качества, сколько наличие необходимых связей во властных структурах, а также финансовых средств. 15,6% респондентов полагают, что в ряды элиты попасть практически невозможно даже при наличии вышеуказанных ресурсов, поскольку это замкнутое сообщество, куда простым людям «не пробиться»¹. Схожая ситуация сложилась и в Кыргызстане [Ногойбаева 2007].

¹ Zhussupova A. Political elite of Kazakhstan (sociological portrait). URL: https://www.academia.edu/351734/Political_elite_of_Kazakhstan_sociological_portrait_ (accessed 17.05.2025).

В этом контексте интересен взгляд «со стороны» южнокорейского исследователя Кан Пхен Ки на динамику ротации политических элит. На примере России, Узбекистана и Казахстана он выявляет изменения в рекрутовании правящих элит после распада СССР. В частности, отмечается обновление старых номенклатурных методов рекрутования; появление новых каналов вертикальной мобильности через представительные органы власти; повышение доли молодых людей, интеллигенции и гуманитариев; сокращение доли сельчан, инженеров и техников [Кан 2006]. Вместе с тем он говорит об укреплении клановой политики; ослаблении значимости общественного блага, доминировании эгоистических интересов правящих элит и олигархической верхушки; сохраняющейся закрытости правящих элит в формировании структуры власти. Изменение политических элит возможно, по мнению Кан Пхен Ки, путем введения в элиты интеллектуалов [Кан 2006].

Независимо от подходов, на основе которых ведутся исследования элит, практически все исследователи сходятся в том, что механизм элитаобразования в странах Центральной Азии основан преимущественно на социокультурных традициях, исторически сложившихся моделях взаимодействия власти и общества, частично закрепленных в нормативных правовых документах, а частично реализующихся на неформальной основе.

Социокультурные основания элит, историко-культурное наследие как фактор формирования элит вызывают особый интерес исследователей. Э. Ногойбаева считает, что существенную роль в процессе элитаобразования Кыргызстана играет «изначально заложенная несходность оседлой и кочевой культур, ...географическая удаленность (один наземный путь, легко перекрываемый перевалом Тoo-Ашуу)» [Ногойбаева 2007]. М.Ж. Окенаева пишет, что актуализация трайбализма в современной внутренней политике стран ЦА связана с «регенерацией» и легализацией «феодально-патриархальных отношений, а в Казахстане и Кыргызстане – родоплеменных, номадных отношений (особенно в сельских местностях)» [Окенаева 2013: 295]. Роль территориальной принадлежности отмечается в Таджикистане [Rahimi 2020]. Участники научной дискуссии, организованной Казахским национальным университетом имени аль-Фараби, анализируют династии казахской кочевой элиты в контексте социальных трансформаций XIX в. Они приходят к выводу о влиянии введения еще в XIX в. новых административно-территориальных структур в Степи на формирование элит, новых стандартов, ценностей и атрибутов власти [Dynasties of the Kazakh... 2022]. Узбекские ученые говорят о слабой изученности проблематики национальных элит, недопустимости морально-психологического упадка национальной управленческой элиты (как это было в 1970-е гг.) и необходимости «генерации новой национальной политической элиты, способной управлять обществом в условиях формирования информационного общества» [Эргашев 2020: 521]. Интересно обращение к историческим корням при попытке формирования нового типа элит. Например, Р. Катлер, рассматривая возможности изменения политической системы Узбекистана, предлагает формирование нового типа элиты на основе идеологии джадидизма. Он пишет: «Что касается Узбекистана, то один политический миф может оказаться полезным, если удастся найти способ его распространения и реализации: джадидская традиция, реформаторская ветвь ислама, которая существовала особенно среди бухарских интеллектуалов и нашла сочувствие среди прогрессивных социальных слоев в Средней Азии около столе-

тия назад. Возрождение этого могло бы обеспечить идеологическую основу для либерально-участнического типа гражданства» [Cutler 2005]. При этом он сомневается, что в обществе вызрели силы, способные продвигать эту идею и к тому же не исключает, что эта идеология может использоваться и властью, но с другой целью — для укрепления существующего режима. Таким образом, в исторической ретроспективе ведется не только анализ основ современного элитаобразования, но и поиск идеологии и механизмов изменения политических элит.

Анализ историко-культурных основ элитаобразования позволяет лучше понять характерное для стран ЦА сращивание формальных и неформальных механизмов, формирование современных патрон-клиентских отношений и клановых кооптационных механизмов элит. Кровнородственные, этнические, территориальные признаки очевидно проявляются в биографиях представителей власти стран ЦА.

Воспроизведение степени влияния разных кланов в странах Центральной Азии обеспечивается преимущественно договоренностями. Например, кланы могут договориться о разделе сфер влияния — промышленности, сельского хозяйства, энергетики. Медиаресурсы, как правило, находятся в зоне влияния тех, кто руководит страной (за кем и политическая сфера). Нельзя не считаться с кланами, которые не входят в пул принимающих политические решения, но проживают на территории с высокой долей населения (электората) и/или на территориях с большими производственными мощностями, ресурсами, составляющими большую долю ВВП, экспорта или импорта страны. Считаться с ними приходится, т.к. рост значения стратегически важных отраслей экономики может стать источником изменений в стране. Баланс сил между кланами является условием политической стабильности.

Потенциал изменения механизма элитаобразования. При стечении ряда факторов потенциал изменения механизма элитаобразования, несомненно, есть. Но вероятность стечения этих факторов в ближайшей перспективе невысока. Рассмотрим факторы, потенциально способные изменить элитаобразование: это демографические процессы и появление новых поколений граждан и элит; вызревание инновационного типа элит; гражданский сектор как источник ротации элит; возможные проблемы имитационно-имиджевых моделей; потенциал внешних влияний.

Демографические процессы как источник изменений. Уже сейчас постсоветские поколения стран ЦА с трудом понимают действия политических элит, и им хочется чего-то более «современного». Что раздражает молодежь больше всего? Во-первых, базовая ценностная характеристика субъектности элит, суть которой в поддержании устоявшихся традиций и социальных механизмов. Во-вторых, характеристика социально-ролевого властного позиционирования, в основе которого удержание власти, властных рычагов, инструментов воздействия, опирающихся прежде всего на контроль и принуждение. В-третьих, суженные возможности социальной мобильности из-за сильных патронажных позиций правящих элит и минимизация каналов артикуляции интересов групп, не аффилированных с правящими элитами. В-четвертых, недовольство социально-экономическими условиями жизни и возможностями реализации своих жизненных стратегий. В разных странах ЦА значимость этих причин недовольства молодежи разная, но в той или иной мере они присутствует везде. Вместе с тем вероятность изменения сути механизмов элитаобразования за счет демографических процессов в ближайшей

перспективе минимальна. Так, например, в Туркменистане поколение элиты сменилось. По состоянию на начало 2025 г. президенту Туркменистана было 43 года, председателю меджлиса – 35 лет. Примерно 75% депутатов меджлиса рождены в 1980–1990-е гг. Но это не оказало существенного влияния на сам процесс элитообразования. Омоложение населения и самой элиты будет скорее всего иметь следствием трансформацию внутренней и внешней политики, но вряд ли самого механизма элитообразования, структуры клиентел и патронов.

Вызревание инновационного типа элит. К настоящему времени в ЦА сложились элиты консервативно-традиционного типа. Инновационный тип только вызревает. Вызревает как внутри правящих кланов (что ведет к расколам), так и на боковой линии – в других кланах или в социальных группах. Прежде всего, речь идет об интеллигенции, бизнесе (предпринимательские круги), религиозных группах, радикализированных силах. По сути, они являются теми активными элементами в развитии общества, которые могут изменить механизм элитообразования. Рассмотрим эти возможности.

Усиление интеллигенции как актора изменений механизма образования политической элиты вряд ли возможно. Несмотря на то что ряд авторов из ЦА делают ставку именно на образование как условие изменения механизма элитообразования [Окенаева 2013], наши исследования показывают невозможность этого в ближайшей перспективе. На примере Кыргызстана нами была выявлена недостаточность условий для развития интеллектуального потенциала и интеллектуальной элиты страны [Комлева 2024].

Бизнес потенциально может стать актором изменений, если сконцентрирует финансовые ресурсы, сформирует силовые структуры или получит поддержку в имеющихся структурах и сможет мобилизовать людей. Но откуда эти ресурсы у бизнеса? Как правило, бизнесмены являются представителями политico-экономических кланов, контролирующих крупные и стратегически значимые ресурсы и производства. Допустим, в существующих системах выкристаллизовался независимый бизнес (например, за счет прибыли от зарубежных инвестиций и торговли, коррупционных, полукриминальных схем), но для прихода к власти нужна социальная база. Рост социальной базы такого бизнеса (если он претендует на политическую власть) в перспективе возможен при высоком уровне урбанизации, следствием которой является отрыв молодежи от своих корней и ее нежелание обременять себя обычаями, традициями и стереотипами. Но действующая власть понимает возможность такого развития событий и создает коммуникационные режимы с высокой долей контроля молодежи.

Высок потенциал консолидации и энергии у религиозных и радикальных групп (в основе своей имеющих религиозность и сакрализацию идеи прихода к власти). Часть таких групп трансграничны и имеют международную поддержку. Как правило, нерадикальные религиозные группы в странах ЦА связаны с правящими элитами. Потенциально оппозиционными власти являются именно радикально настроенные лидеры и группы. Возможность прихода к власти таких лидеров и групп продемонстрировал опыт Афганистана и Сирии. Однако в последние годы страны ЦА озабочились созданием институтов противодействия вовлечению населения в радикальные группы, институтов пропаганды национальных идей, государственной политики, контроля воспитания, формирования мировоззрения населения, правильного с точки зрения существующей власти. Власть включает механизмы консолидации общества и идеологический контроль. В качестве примера приведем Республиканский

центр духовности и просветительства в Узбекистане, созданный в соответствии с постановлением Президента Республики Узбекистан № 5040 от 26 марта 2021 г. «О мерах по коренному совершенствованию системы духовно-просветительской работы».

Гражданский сектор как источник ротации элит. В целом, в Туркменистане, Таджикистане, Узбекистане этот сектор минимизирован и в большинстве случаев находится под контролем силовых и властных структур. В Кыргызстане и Казахстане гражданский сектор потенциально может стать источником изменений. Но для этого нужна его массовая мобилизация (если власть меняется неправовым путем) или же спрос правящей элиты на гражданское участие в политике и обновление элиты (если изменения происходят путем реформ и переговоров). А такой реальный спрос пока не наблюдается или, по факту, имитируется.

Вместе с тем практика ряда стран (например, Кыргызстана) показывает, что ввод в систему элит людей из НПО может осуществляться путем включения руководителей НПО в совещательные и консультационные органы при органах власти. Так они оказываются в точках принятия решений. Но практически все крупные финансовые потоки и крупные проекты НПО в странах ЦА аффилированы с действующей властью. Иными словами, без аффилиации с патронами или клиентелой лидер НПО вряд ли сможет продвинуться во власть со своей повесткой. С одной стороны, это может рассматриваться как фактор роста недовольства, социального напряжения и потенциальной дестабилизации, а с другой – является фактором обеспечения устойчивости политических систем стран Центральной Азии.

Возможные проблемы имитационно-имиджевых моделей элитности. Механизмы образования и воспроизведения элит и их отношения между собой имеют свои особенности в разных странах Центральной Азии. Но для их поддержания используется манипулятивный инструментарий политического управления и имитационно-имиджевая модель существования и подачи элитности. Суть этой модели (хотя и на другом страновом контексте) описали В.В. Рудой, А.В. Понеделков, А.М. Старостин, Л.Г. Швец [Рудой и др. 2010]. Представители элиты демонстрируют наличие характеристик, которые востребованы обществом и легитимируют их власть: это патриотичность, образованность, результативность политических решений, открытость для диалога и др. По факту, не все представители элиты обладают этими качествами и соответствуют этим характеристикам, поэтому модель элитности называется имитационной. Несколько декоративный характер имеют демократические практики и институты, демонстрируемые в странах ЦА. Например, об этом пишет Ж.К. Урманбетова, анализируя проблемы становления демократии и соответствующих элит современного Кыргызстана [Urgmanbetova 2017].

Разрушение имитаций и конструируемого имиджа может привести к делегитимации элиты и росту сомнений в обоснованности ее претензий на власть. Риск таких процессов актуализируется прежде всего с помощью внешних влияний на общественное мнение жителей страны. Конкретно влияние осуществляется на принципы, нормы и правила коммуникаций внутри страны, т.е. на коммуникационные режимы и информационные пространства стран ЦА. Но результаты нашего исследования в странах ЦА показывают усиление политики противодействия таким влияниям со стороны действующей власти [Коммуникационные... 2025]. По мнению экс-

пертов, опрошенных в странах ЦА¹, в 2024 г. уменьшилось влияние внешних акторов на коммуникационные режимы их стран. Чуть более трети экспертов – 38,5% (48,3% в 2023 г.) – отметили влияние на коммуникационный режим страны внешних акторов, недружественных России, рассматривающих ее как противника, соперника, угрозу и т.п.: из указанных 38,5% экспертов – 21,3% (24,9% в 2023 г.) считают, что их коммуникационный режим полностью зависит от таких внешних акторов, и 16,8% (23,4% в 2023 г.) отметили частичную зависимость. Непосредственно по всем странам ЦА: 10% экспертов из Казахстана считают, что на их коммуникационный режим частично влияют страны – противники России. В Таджикистане так считают более 12%, в Кыргызстане и Узбекистане – более 14%. Ни один эксперт в странах ЦА не отметил, что коммуникационный режим его страны полностью зависит от противников России.

28,6% экспертов из Узбекистана отметили, что на их коммуникационный режим не влияет ни одна зарубежная страна. В Кыргызстане таковых более 14%, в Таджикистане – более 12%. В Казахстане такой ответ не дал ни один эксперт, видимо, считая, что в той иной мере зарубежные страны все равно влияют на коммуникационный режим страны.

Внутри стран усилились меры контроля за иновещанием, контроль за иностранным финансированием медиаресурсов и контроль информационного контента. Это подтверждают и другие исследования [Салимов 2022]. На этом фоне иностранным ресурсам вряд ли удастся разрушить имиджевые модели элит, построенные в странах ЦА.

Потенциал внешних влияний. Роль внешнего влияния в смене элит не раз становилась предметом научного исследования. Так, в одном из последних исследований М.Ш. Джанталеева связывает события начала января 2022 г. в Казахстане с деятельностью радикальных неправительственных, иностранных, националистических и, в частности, религиозных организаций, которые финансировались, снабжались оружием и экстремистской литературой из-за рубежа [Джанталеева 2022: 87]. Но кроме государственных переворотов, революций, разрушения имиджевых моделей элит существуют механизмы внешнего влияния путем формирования у новых поколений привлекательного образа зарубежных экономических, политических и культурных моделей. Это целенаправленная, пролонгированная работа с использованием институтов и инструментов социализации. Она происходит, как правило, путем получения образования в других странах или в альтернативных образовательных учреждениях (зарубежные школы и вузы) на территории стран ЦА. Потеря государственного контроля над институтами социализации (школы, вузы, религиозные институты, институт семьи, общественные организации и др.) в перспективе может привести к проблемам самовоспроизводства общественно-политической системы.

1 Мониторинг коммуникационных режимов проводится АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций» с 2021 г. Презентация ежегодных итогов проходит в МИА «Россия Сегодня» с представителями научной общественности и государственных органов власти РФ. Научный доклад по итогам мониторинга размещается в eLibrary.Ru – российской научной электронной библиотеке, интегрированной с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ). В 2024 г. в рамках мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран в числе других методов сбора информации проводился опрос зарубежных экспертов методом глубинного интервью. Были опрошены около 300 экспертов из 16 постсоветских стран. Отбор экспертов проводился по критериям их профессиональной принадлежности, компетентности, страны проживания.

Весьма уязвимыми к внешним влияниям делает страны ЦА и их внешняя многовекторная политика, которая имеет свое продолжение в гуманитарной сфере, в т.ч. в сфере образования. Известно, что многовекторность без потери субъектности может быть обеспечена только в условиях достаточности внутренних ресурсов политического, экономического, научно-технического, культурного и духовного суверенитета. В большинстве стран ЦА полного комплекса таких условий нет. Концентрация на антироссийской направленности (например, в политике исторической памяти) привела не столько к усилению национального компонента, сколько к проникновению в национальные системы западных ценностей, принципов и интересов. Как отмечает Д.Б. Малышева, «новым независимым государствам ЦА и их политическим элитам часто с трудом хватает ресурсов на собственное выживание, на конструирование собственных политических систем. У них нет возможности противостоять своими силами вызовам и рискам. Нет также средств и на создание институтов международного региона. Этим часто пользуются разнообразные международные партнеры центральноазиатских стран для продвижения собственных интересов» [Малышева 2020: 151].

Весьма действенный инструмент внешнего влияния на элиты – создание условий для реализации личных амбиций или материальной заинтересованности части элит. Например, кому-то из молодых представителей клана не хочется долго стоять в очереди к источнику распределения благ, и он готов возглавить раскол при наращивании своих ресурсов за счет внешних инвесторов. Такой вариант внутриэлитного раскола вполне может быть реальным. Личная материальная заинтересованность элит – один из важных инструментов влияния зарубежных сил на экономику и политику стран ЦА.

Некоторые механизмы трансграничного и транснационального влияния описаны Р. Катлером в статье «Деавторитаризация в Узбекистане? Анализ и перспективы». С целью «деавторитаризации» и решения проблемы «демобилизации гражданского общества» в Узбекистане автор рассматривает возможности создания «альтернативной» публичной сферы за пределами страны (формируя ее из числа диссидентов-изгнанников), что «может представлять собой эффективное долгосрочное решение проблемы закрытия публичной сферы внутри страны» [Cutler 2005]. По Р. Катлеру, важно не предоставлять «авторитарной» элите значительный запас маневра, посредством которого последняя укрепляет свою легитимность как внутри страны, так и на международном уровне, иначе деавторитаризация и «демократический переход» будут проблематичными. По мнению Р. Катлера, сетевое взаимодействие международной поддержки «не обязательно означает, что грузино-украинский сценарий является наиболее вероятным будущим для Узбекистана» [Cutler 2005].

Таким образом, на практике могут быть применимы разные механизмы внешнего влияния на формирование элит.

Заключение. В странах ЦА сложился особый тип политической культуры, частью которой является традиционализация элитообразования, сохранение привычных механизмов ротации элит, патрон-клиентские отношения, клановые системы, имитационно-имиджевые модели элитности. Ротация элит тесно связана с определенным типом взаимной принадлежности членов элит, их отношений и взаимозависимости.

Вероятность изменения механизмов элитообразования в ближайшей перспективе минимальна. Скорее всего, в ближайшее время будут воспроизво-

диться существующие модели ротации элит, т.к. это устраивает и кланы, и их клиентелу. К тому же межклановые отношения становятся достаточно гибкими, используя инструменты сотрудничества, сосуществования, слияния (породнения).

Вместе с тем изменения в мировоззрении будущих элит неизбежны, что скажется, на наш взгляд, скорее на отношениях с региональными и внерегиональными акторами, чем на самом механизме элитообразования.

Список литературы

- Бикбулатова А., Асылгужин А., Максутова А. 2024. Род (клан) Кыргыз в составе башкир. Башкиро-кыргызские этногенетические параллели. – *Turkic Studies Journal*. Vol. 6. No. 4. P. 17-35.
- Бобохонов Р. С. 2012. Эволюция этнорегиональных кланов в Таджикистане (XX в.). – *Право и политика*. № 3(147). С. 570-582.
- Болпонова А.Б. 2013. *История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX – XXI вв.)*. Б.: Maxprint. 284 с.
- Болпонова А.Б. 2015. Политические кланы Кыргызстана: история и современность. – *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 18. Вып. 3-4. С. 57-72.
- Гарбузарова Е.Г. 2020. *Центральная Азия в современных мирополитических процессах*. М.: Аспект Пресс. 192 с.
- Грозин А.В. 2010. Элиты Туркменистана и центральноазиатские кланы: общее, особенное, трудности модернизации. – *Россия и мусульманский мир*. № 12(222). С. 94-106.
- Джанталеева М.Ш. 2022. Политические элиты Казахстана и кризис 2022 года. – *Вопросы элитологии*. № 3. С. 81-95.
- Жильцов С.С. 2020. Центральная Азия: особенности политического развития. – *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. № 1(23). С. 143-160.
- Илебаева А.К., Батанова М.К. 2021. Кланы современной Центральной Азии. – *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. Т. 21. № 11. С. 147-151.
- Кадыров Ш. 2010. *Элитарные кланы. Штрихи к портретам*. Доступ: <https://www.turkmennotebooks.org/wp-content/uploads/2023/04/klan.pdf> (проверено 17.05.2025).
- Кан Пхен Ки. 2006. «Элиты» России, Казахстана, Узбекистана. Сравнение и оценка. – *Социологические исследования*. № 1. С. 147-152.
- Комлева В.В. 2024. Интеллектуальный потенциал Кыргызстана. – *Россия и мир: научный диалог*. № 4(14). С. 126-150.
- Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружественности – 2023: научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран. 2024. М.: Изд-во НИИРК. 268 с.
- Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружественности – 2024: научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран. 2025. М.: Изд-во НИИРК. 360 с.
- Крылов А.Б., Малышева Д.Б. 2011. Россия и постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа: прогноз на 2030 год. – *Россия и новые государства Евразии*. № 1(10). С. 44-58.
- Ларина Е.И. 2022. Ритуалы, достоинство и уважение в центральноазиатском обществе. – *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. № 1. С. 145-165.
- Ларина Е.И. 2023. «Ограничительные законы» Узбекистана и социаль-

ные нормы, ритуальные практики, ценностные представления общества. — *Кунсткамера*. № 3(21). С. 82-98.

Малышева Д.Б. 2020. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии. — *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 3. С. 140-155.

Ногойбаева Э. 2007. *Кыргызстан: формирование и взаимодействие политических элит*. Доступ: https://ca-c.org.ru/journal/2007/journal_rus/sac-01/10.nogru.shtml (проверено 17.05.2025).

Окенаева М.Ж. 2013. Формирование элит постсоветского Кыргызстана. — *Наука и новые технологии*. № 4. С. 294-297.

Осинина Д.Д. 2018. *Элитные группы Центральной Азии в большой геополитической игре*. М.: Инфа-М. 159 с.

Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы: коллективная монография (отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин). 2020. М.: Изд-во ИМЭМО РАН. 276 с.

Причин С.А. 2022. Политический кризис в Казахстане. — *Россия и новые государства Евразии*. № 1(54). С. 56-67.

Рекк Д.А. 2020. Генезис и сущностные характеристики кланов республик Средней Азии и Казахстана. — *Обозреватель*. № 7(366). С. 87-104.

Рекк Д.А., Егоров В. Г. 2022. *Кланы в постсоветской Центральной Азии*. СПб: Алетейя. 194 с.

Рогожина К.А. 2010. *Клиентелизм в рекрутовании политических элит в Российской Федерации и постсоветских государствах Центральной Азии*: дис. ... к.полит.н. М. 241 с.

Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М., Швец Л.Г. 2010. Политические элиты современной России: идеология, ценности, идентичность современных российских политических элит. — *Науковедение: интернет-журнал*. Вып. 2 (апрель–июнь). Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-elity-sovremennoy-rossii-ideologiya-tsennosti-identichnost-sovremennoy-rossiyskih-politicheskikh-elit> (проверено 12.02.2025).

Салимов Д.М. 2022. *Средства массовой информации в политическом процессе современного Таджикистана: функциональные особенности*: дис. ... к.полит.н. М. 414 с.

Ситнянский Г.Ю. 2024. Границы в Средней Азии: что было, что есть, что будет. — *Ближний и постсоветский Восток*. № 4(8). С. 118-137.

Сулакшин С.С. 2011. Современный российский элитогенез как клановый принцип формирования государственной власти: глава 2. — Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. *Властная идеальная трансформация: исторический опыт и типология*. М.: Научный эксперт.

Хадыров Р.Ю. 2023. *Институциональная трансформация политической системы Таджикистана (1991–2022 гг.)*: дис. ... к.полит.н. М. 281 с.

Шарафиева О.Х. 2012. Роль региональных кланов во внутренней политике Таджикистана. — *Вестник Томского государственного университета*. № 359. С. 98-100.

Эргашев Ш. 2020. Из истории формирования национальной политической элиты Узбекистана. — *Экономика и социум*. № 12-2(79). С. 517-522.

Cutler R.M. 2005. De-authoritarization in Uzbekistan?: Analysis and Prospects. — *Towards Social Stability and Democratic Governance in Central Eurasia: Challenges to Regional Security*. Amsterdam: IOS Press. P. 120-141.

Dumoulin M. 2012. The Kazakh Political Elite Generations and Career Profiles. —

Revue d'études comparatives Est-Ouest. Vol. 43. No. 1-2. URL: <https://www.researchgate.net/publication/296793667> (accessed 17.05.2025).

Dynasties of the Kazakh nomadic elite in the context of social transformations in the 19th century. 2022. URL: <https://nomadit.co.uk/conference/tashkent2022/p/11672> (accessed 17.05.2025).

Rahimi O. 2020. *Localism in Tajikistan: How Would It Affect Power Shift?* URL: <https://moderndiplomacy.eu/2020/08/08/localism-in-tajikistan-how-would-it-affect-power-shift/> (accessed 17.05.2025).

Urmanbetova Zh. 2017. The Current State of Kyrgyzstan: Elite Problem. URL: <https://ipi1.ru/images/PDF/2017/87/the-current-state.pdf> (accessed 17.05.2025).

KOMLEVA Valentina Vyacheslavovna, Dr.Sci. (Soc.), Professor; Director of the Center for International Strategic Studies, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Deputy Director for Research of the National Research Institute for Development of Communications (bld. 1, 53/2 Ostozhenka St, Moscow, Russia, 119021; d.komleva@dipacademy.ru)

ELITE FORMATION IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

Abstract. The article deals with the peculiarities of political elite rotation in Central Asian countries, the role of patron-client relations and clans. The author analyzes the factors that can potentially affect the change of the mechanism of elite formation, such as the maturation of innovative type of elites; demographic processes, rejuvenation of the population and elites; external influences; the role of the civil sector and NGOs; the problems of imitation-image models of elite formation. Based on the results of the study, the author concludes that changes in the mechanism of elite formation in Central Asian countries are possible only under the influence of a complex of factors. However, such changes are hardly possible in the near future.

Keywords: Central Asia, political elites, elite rotation, elite formation, political processes, clans, clienteles
